

резидент Мейтленд, повлияло на то, что 1 ноября 1902 г. турецкий султан издал ираде (указ), в котором был дан приказ вывести войска с территории Амири и приступить к демаркации аденско-йеменской границы [5, с. 13].

В ходе демаркации Великобритания, используя шантаж, дипломатическое давление и военную угрозу, принудила Порту отказаться от притязаний на некоторые южно-йеменские территории, включая мыс Шейх-Саид, контролирующий Баб-эль-Мандебский пролив, то есть выход из Красного моря в Индийский океан.

Таким образом, англичане добились проведения такой границы, которая оставила ключевые позиции на главных торговых путях на «британской» стороне. Характерной особенностью англо-турецкой демаркации было то, что как Великобритания, так и Османская империя делили не принадлежавшую им территорию. Фактическими хозяевами внутренних районов Йемена были свободолюбивые йеменские племена, которые не признали произвольного раздела Йемена.

Аденско-йеменская граница, окончательно утвержденная англо-турецкой конвенцией от 9 марта 1914 г., разделяла Йемен на 2 части до объединения Йемена в 1990 г. Но в настоящее время гражданская война в Йемене, вмешательство внешних сил вновь привели к расколу страны.

1. National Archives of India (далее – NAI). – Proceedings, 1902 August, Proposed conclusion of protectorate treaties with Upper Aulaki, Upper Yafii, Beida and Beyhan.

2. NAI. – Proceedings, July 1902. Delimitation of the boundary of the Aden Protectorate.

3. NAI. – 1902, February, Presentation of a rifle and ammunition to the Chief of the Upper Aulaki...Notes. Proceeding No 219.

4. NAI. – Proceedings, February 1903. Continued obstructive attitude of the Turks. Dispatch of troops and artillery to Aden.

5. NAI. – Proceedings, December 1904, General Maitland's report on the demarcation of the frontier between the tribes in the Aden Protectorate and the Turkish Province of Yemen.

6. NAI. – Proceedings, 1904, November. Memorandum on the military and political situation in the Aden Hinterland.

7. NAI. – Proceedings, 1905, February, Delimitation of the Aden boundary.

8. NAI. – Proceedings, 1905, June-July, Aden boundary commission. Negotiation with the Porte in connection with the delimitation of the Subeihi border and North-East frontier of the Aden Protectorate.

9. NAI. – Proceedings, April 1907, Official ratification of the results of the Aden boundary delimitation.

Никитин Д.С.

ДОКУМЕНТЫ О ВИЗИТЕ ДЖ. КЕЙР ХАРДИ В ИНДИЮ В 1907–1908 гг.

Ключевые слова: Джеймс Кейр Харди, Британская Индия, Индийский национальный конгресс, полицейские отчеты, делопроизводственные документы.

Начало XX в. в истории индийского национального-освободительного движения стало временем значительных перемен, связанных с его радикализацией, сменой методов и форм борьбы за права. В 1905 г. Бенгалию (а следом – и всю страну) охватило движение свадеши (бойкота иностранных товаров), в 1907 г. в Панджабе вспыхивают протесты против нового земельного закона, и на этом фоне старейшая и самая крупная политическая организация – Индийский национальный конгресс (ИНК) – переживает раскол, в результате которого из Конгресса выходят деятели набирающего популярность радикального крыла.

Умеренные лидеры ИНК с момента возникновения организации уделяли большое внимание связям с английскими парламентариями и агитации среди британской общественности, что было необходимо для того, чтобы побудить Лондон к расширению прав индийских подданных. Поэтому визиты в южноазиатские владения Великобритании «друзей Индии» – английских политических деятелей, в той или иной мере поддерживавших требования ИНК, – были для индийской патриоти-

ческой общественности важным событием. Если в конце XIX в. среди «друзей Индии» преобладали либералы, то в начале нового столетия в британском парламенте появляется новая фракция – лейбористы, чей лидер Джеймс Кейр Харди также разделял идеи расширения прав индийцев. Таким образом, визит лейбористского парламентария в Индию в период наивысшего размаха народных волнений вызывал интерес и со стороны индийских националистов, и со стороны колониальной администрации, и стал заметным событием в общественно-политической жизни страны.

Визит Дж. Кейр Харди в Индию нашел отражение во множестве документов, хранящихся в настоящее время в Национальном архиве Индии. Значительная часть из них, представленная регулярными отчетами департамента внутренних дел о положении в провинциях, содержит только краткие упоминания как о самом визите, так и о деятельности или высказываниях Дж. Кейр Харди и их влиянии на настроения в индийском обществе. Однако на общем фоне выделяются несколько комплексов документов, целиком посвященных этой поездке – в частности, комплекс делопроизводственных документов департамента внутренних дел правительства Индии [1] и рапорт управления уголовного розыска (Criminal Intelligence Department), содержащий отчеты служащих из разных городов, посещенных Харди [2].

Документы департамента внутренних дел правительства Индии представляют собой характерный для индийской административной практики конца XIX – начала XX в. образец делопроизводства. Комплекс содержит переписку высших должностных лиц колониальной администрации по вопросу визита Дж. Кейр Харди с главами провинций, вице-королем и министром по делам Индии. Эта переписка содержит разного рода приложения – полицейские отчеты, стенограммы выступлений Харди в индийских городах, выдержки из индийских и англо-индийских газет, копии писем Харди к различным индийским лицам, и т.п.

Анализ документов показывает, что поездка Харди была вопросом государственной важности. Делопроизводство по этому вопросу открывается письмом министра по делам Индии Дж. Морли вице-королю Минто, в котором содержится просьба незамедлительно сообщать в Лондон о возможных беспорядках вследствие выступлений или высказываний Харди на встречах с индийцами. Морли полагал, что «нужно быть готовым к неприятностям» [3, f. 4]. При этом Морли указывал, что определять необходимые меры для купирования подобных беспорядков следует местным (англо-индийским) властям.

В свою очередь, члены вице-королевского исполнительного совета (правительства Индии) готовились к возможным провокациям со стороны Харди т.е. и индийских националистов. Глава департамента внутренних дел, Г.Х. Рисли отмечал, что Харди может заявить, будто его выступления были неточно воспроизведены в индийской прессе (Рисли говорил о газете «Бенгали»), но его тесные связи с редакцией «Бенгали» не оставляют сомнений в том, что все газетные отчеты о визите Харди будут просмотрены им лично [3, f. 4]. Тем не менее Рисли не разделял опасений Морли по поводу беспорядков и считал отправку срочных отчетов в Лондон излишней. В ответной телеграмме [3, f. 5] вице-король сообщал, что не считает вероятными серьезные беспорядки, но для обеспечения мер предосторожности поручения Морли были доведены до сведения глав провинций. Им было поручено соблюдать обычные меры для охраны порядка и не применять каких-либо репрессивных мер до особого распоряжения правительства. Предложения Морли, однако, вызвали среди руководителей провинций разночтения. В частности, в Соединенных Провинциях возникли опасения по поводу общественной реакции на отношение полицейских органов к выступлениям Харди, поскольку в 1907 г. были арестованы видные агитато-

ры-националисты – Лала Ладжпат Рай и Аджит Сингх, и схожие по содержанию выступления Харди могли вызвать у общественности убеждение, что у британского парламентария в Индии прав больше, чем у коренного населения [3, f. 6]. Кроме того, уровень напряженности в разных провинциях отличался. Если Соединенные Провинции были «одной из спокойнейших провинций в отношении мятежей» [3, f. 11], то в Дели и Лахоре выступления Харди следовало запретить ввиду волнений среди населения и близкого расположения войск, агитация среди которых могла привести к серьезным последствиям [3, f. 11].

Своевременную информацию о деятельности Дж. Кейр Харди в разных городах и провинциях обеспечивали полицейские отчеты. Часть из них представлена в первом комплексе документов [3, f. 12–14], но большая их часть содержится среди документов управления уголовного розыска [2, f. 3–74]. Они представляют собой детальные сообщения о встречах Харди с индийцами, его передвижениях, содержании его выступлений; в них включены списки лиц, присутствовавших на митингах, среди которых особо выделялись, в частности, редакторы индийских газет [2, f. 14]. Эти отчеты показывают, что круг интересов Харди в Индии был достаточно широк – он собирал информацию об экономическом положении в провинциях, последствиях голода и чумы, особенностях работы судов, посещал школы и знакомился с уровнем образования в городах и мофусиле (сельской местности). В политическом плане его интересовали причины и особенности движения свадеши, которое он сравнивал с движением за права в Ирландии. Эти материалы впоследствии вошли в книгу Харди «Индия: впечатления и предложения» [1], опубликованную вскоре после его возвращения в Англию. Вместе с тем, отдельные отчеты показывают, что Дж. Кейр Харди, как и многие другие парламентарии-визитеры, сравнительно слабо представлял себе пространство индийской политики. Примером, в частности, может служить отчет комиссара А. Логана о пребывании Харди в Пуне, где были сильны радикальные националистические настроения. По сообщениям Логана, Харди «в тоне простодушного невежества» спрашивал, имеется ли в Пуне какая-либо политическая жизнь [2, f. 51].

Круг общения Харди в Индии, как указывают отчеты, состоял преимущественно из представителей «партии агитаторов» [3, f. 24], т.е. деятелей национального движения. Комиссар Ф. Холлидей в отчете из Калькутты сообщал, что результатом деятельности парламентария стало то, что «агитаторы в целом укрепились во мнении, что, только если они будут достаточно активны в своей агитации и поднимут достаточно шума, то в конечном итоге они получают помощь от влиятельных людей в Англии» [3, f. 24]. Характерно, что Холлидей одновременно указывал на то, что индийские националисты преувеличивают вес Харди в английской политике, а также на отсутствие заметного влияния визита Харди на интенсивность агитации деятелей умеренного крыла национального движения (с которыми ассоциировал себя Харди) в Калькутте, где в это время были более заметными радикалы.

Отчеты из других мест также показывали, что визит Харди не привел к росту возмущения или беспорядкам. Из Панджаба сообщалось, что «в результате его визита не появилось никаких признаков активной агитации. Внешне визит пока не имеет заметного эффекта, но, несомненно, он придал смелости не только конституционным агитаторам, но и экстремистской партии» [3, f. 56]. Схожие сообщения поступали и из Мадраса, где «визит г-на Кейр Харди не имел заметных внешних последствий» [3, f. 61], и из других городов. Привлечение английских деятелей к борьбе за права индийцев в это время было отличительной чертой умеренного крыла национального движения, которое теряло популярность на фоне бурных событий в индийской общественно-политической жизни начала XX в.

Несмотря на малозначительное влияние поездки Дж. Кейр Харди в Индию, рассмотренный комплекс документов о ней является ценным свидетельством проводимой вице-королем Минто и министром по делам Индии Морли политики реформ и репрессий, сочетавшей ограниченную поддержку конституционных устремлений умеренных националистов с суровыми ограничениями деятельности радикального крыла. Предупредительные меры в связи с визитом Харди были неотъемлемой частью курса на сохранение британского влияния в Индии с допущением некоторых внешних послаблений.

1. Hardie, J. K. India, impressions and suggestions / J. K. Hardie. – London : Independent Labour Party, 1909. – 126 p.
2. National Archives of India. – Microfilms. – Home Department. – Nos 23. – Dec. 1907.
3. National Archives of India. – Public Records. – Home Political. – Home political A. – Nos. 50–63. – Feb. 1908.

Канищев В.В.
«ОФИЦЕРЫ-БЕЛОРУСЫ» ИЗ КАДРОВЫХ ЧАСТЕЙ
РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ НА ТЕРРИТОРИИ ТАМБОВСКОЙ
ГУБЕРНИИ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.
СТЕПЕНЬ ПОЛНОТЫ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ ФОНДОВ РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА

Ключевые слова: русская императорская армия, офицеры-белорусы, Тамбовская губерния, Первая мировая война, архивные данные.

В данном докладе мы хотели представить анализ жизненных траекторий офицеров, уроженцев Западных губерний Российской империи, территории которых на сегодняшний день целиком или частично входят в состав Республики Беларусь.

Нами были изучены фонды Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), представленные списками по старшинству штаб и обер-офицеров пехотных, кавалерийских и артиллерийских частей, которые располагались в городах Тамбовской губернии. Кроме того, мы постарались проанализировать боевой путь офицеров нашей выборки через фонды учета потерь солдат и офицеров, а также фонды наградных дел отличившихся на полях сражений офицеров.

Благодаря такому виду источника, как списки по старшинству конкретных воинских частей, нам удалось установить полную картину социально-профессионального облика изучаемой нами группы офицеров накануне Первой мировой войны.

Из 38 офицеров нашей выборки 10 были представителями Витебской губернии. По 8 человек представляли Минскую и Могилевскую губернии. Из Виленской и Гродненской губерний оказалось по 6 офицеров.

Сразу хотим оговориться, что мы включали в выборку всех представителей современных белорусских территорий, а в случае с выходцами из Виленской губернии – только офицеров православного вероисповедания, предполагая, что они происходили из тех частей губернии, которые впоследствии оказались частью территории будущей Республики Беларусь.

При оценке возрастных показателей было установлено, что в возрасте старше 50-ти лет службу несли два офицера. В возрасте 55 лет, занимая должность помощника командира полка по строевой части, в 3-м запасном кавалерийском полку расположенном в городе Кирсанове служил представитель виленского дворянства Лев Авраамович Кричинский [3, л. 1об.]. Из дворян Могилевской губернии происходил 52-хлетний подполковник 7-й артиллерийской бригады, располагавшейся в Тамбове,